

7. Littlejohn A., Hood N., Milligan C. and Mustain P. Learning in MOOCs: Motivations and self-regulated learning in MOOCs // The Internet and Higher Education. 2016. Vol. 29. p. 40–48.
8. McAuley A., Stewart B., Siemens G., and Cormier D. The MOOC model for digital practice // Massive open online courses, 2010, available at: http://davecormier.com/edblog/wp-content/uploads/MOOC_Final.pdf (accessed: 25.10.2020).
9. Moore J. L., Dickson-Deane C. and Galyen K. e-Learning, online learning, and distance learning environments: Are they the same? // The Internet and Higher Education. 2011. Vol. 14. # 2. p. 129–135.
10. Vardi M. Y. Will MOOCs destroy academia? // Communications of the ACM, 2012, vol. 55, no. 11, p. 5.
11. Yuan L., Powell S. J. MOOCs and open education: Implications for higher education: a white paper // JISC cetis. 2013. p. 21.

Лобова Светлана Владиславьевна
докт. экон. наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
профессор кафедры экономики и эконометрики,
barnaulhome@mail.ru, Барнаул, Россия

«НОВАЯ» ЗАНЯТОСТЬ «СТАРЫХ» ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОГО ОБУЧЕНИЯ

УДК 378.1:61

Аннотация. Переход в марте 2020 года российской системы высшего образования в онлайн-формат вследствие угрозы распространения новой коронавирусной инфекции, и организация учебного процесса в университетах в начале 2020–2021 учебного года в гибридном формате сделали очевидным для всех участников, что университетское образование больше никогда не будет прежним. Целью настоящей работы является определение трендов в изменении занятости преподавателей современных университетов в условиях гибридного обучения, как атрибута постпандемического образования. Основные использованные методы – контент-анализ публикаций и выступлений министра науки и образования РФ В. Фалькова, ректоров ведущих российских университетов, представленных в СМИ, а также анализ открытых данных по вопросам дистанционного и онлайн-обучения в российских университетах. Показывается, что гибридное образование корректирует условия и содержание занятости университетских преподавателей, а также формирует угрозы.

Выдвигается тезис, что гибридное образование можно рассматривать как катализатор прекаризированной занятости преподавателей университетов. Полученные результаты имеют актуальность, поскольку формируют представление об условиях занятости, которые требуют реакции как со стороны преподавателей, так и менеджмента университетов.

Ключевые слова: университет, гибридное обучение, прекаризация занятости, образование в период пандемии.

Abstract. The transition of the Russian higher education system to an online format in March 2020 as a result of the threat of the spread of a new coronavirus infection, and the organization of the educational process at universities at the beginning of the 2020–2021 academic year in a hybrid format made it obvious to all participants that university education will never be the same again. The purpose of this work is to determine trends in the employment of teachers of modern universities in the context of hybrid education, as an attribute of post-pandemic education. The main methods used are content analysis of publications and speeches of the Minister of science and education of the Russian Federation V. Falkov, rectors of leading Russian universities, which are presented in the media, as well as analysis of open data on distance and online education in Russian universities. It is shown that hybrid education corrects the conditions and content of employment of University teachers, as well as creates threats. The thesis is put forward that hybrid education can be considered as a catalyst for precarized employment of university teachers. The results obtained are relevant because they form an idea of the employment conditions that require a response from both teachers and university management.

Key words: university, hybrid learning, employment precarization, education during the pandemic.

Введение. Угроза распространения коронавирусной инфекции COVID-19 катализировала весной 2020 года перевод университетского обучения в онлайн-режим. Образование в университетах получило высший (если брать в ретроспективном аспекте) уровень цифровизации.

Онлайн-обучение, с одной стороны, продемонстрировало достаточно высокий уровень адаптивности и мобильности российской системы высшего образования («ведущие вузы открыли бесплатный доступ примерно к тысяче онлайн-курсов; подавляющее большинство российских университетов – кто сразу, кто с недельной или двухнедельной заминкой – перешли в конференционный (синхронный) режим занятий; три четверти российских студентов и преподавателей перешли в этот формат и продолжили нормальный процесс очного образования» [1]), с другой стороны, отчетливо стали видны плюсы и минусы онлайн-образования, степень восприятия его всеми сторонами образовательного процесса (более подробно об этом описано в аналитическом докладе «Уроки “стресс-теста”. Вузы в условиях пандемии и после нее» [2]),

констатируется расслоение между различными университетами [3]. Появились «адвокаты-сторонники» онлайн-образования в «чистой» форме и «критики-оппоненты», аргументирующие невозможность перехода от традиционной системы к онлайн-обучению. New York Times отметило, что одним из плюсов вынужденного онлайн-формат обучения «стал отказ академических элит от тезиса, что онлайн-обучение априори является второстепенным заменителем “настоящего”, т.е. персонифицированного, образования (цит. по: [4]). Всем стало очевидно, что «образование никогда не будет прежним» [4]. Альтернативы цифровизации образования нет.

По мнению ректора НИУ ВШЭ Я. Кузьмина, «современному цифровому миру будут соответствовать те университеты, которые смогут повысить качество образования и увеличить масштаб своей деятельности за счет цифровых программ и партнерств в регионах. Другие вузы проиграют – их влияние сожмется до уровня Сократа, который не печатал своих работ и обучал лишь небольшую группу последователей» [5].

Основной формой обучения начала 2020–2021 учебного года в университетах стало гибридное обучение, когда: лекции переведены в дистанционный формат, практические, лабораторные и семинарские занятия частично ведутся в очной форме (F2F), часть дисциплин изучаются как Massive Open Online Course (MOOC) и Self-Paced Open Course (SPOC) и пр.

Целью настоящей работы является определение трендов в изменении занятости преподавателей современных университетов в условиях гибридного обучения, как атрибута постпандемического образования. Основные использованные методы – контент-анализ публикаций и выступлений министра науки и образования РФ В. Фалькова, ректоров ведущих российских университетов, представленных в СМИ, а также анализ открытых данных по вопросам дистанционного и онлайн-обучения в российских университетах.

Обсуждение результатов.

Гибридное обучение и изменившаяся занятость преподавателей. В эдукологии термин «гибридное (смешанное) обучение» стал использоваться после выхода 2006 году работы К. Бонка и Ч. Грэхема «Справочник по смешанному обучению: глобальные перспективы, локальные проекты» [6]. За термином «смешанное обучение» скрываются «совмещение различных способов обучения, совмещение различных методов обучения, совмещение обучения в ходе личного общения с обучением в режиме онлайн» [6]. Смешанное обучение – это эволюционировавшая форма традиционного обучения, возникшая в результате изменения условий внешней среды, широкомасштабного внедрения технологий Интернета и принятия представленной в нем информации в качестве открытых образовательных ресурсов (англ. *open educational resources* – OER). Под OER понимаются оцифрованные материалы, накопленные цифровые активы, предлагаемые преподавателям, студентам и самообучающимся свободно и открыто, без ограничений на повторное использование для преподавания, обучения и исследований [7].

Гибридное обучение дезавуировало популярность профессии педагогического дизайнера – «специалиста, разбирающегося в педагогике и теории образования и умеющего работать с современными цифровыми технологиями. Его задача состоит в том, чтобы вместе с предметными экспертами придать электронному учебному материалу ясную, доступную и занимательную форму» [4].

Вместе с тем, в условиях гибридного обучения занятость преподавателей российских вузов изменилась.

Пример первый. Преподаватель, в случае сохранения занятий по его предмету в традиционном формате, ведет занятия в режиме «классной комнаты». При этом в студенческой группе, как правило, есть такие, кто по разным причинам и обстоятельствам не смог приступить к обучению очно.

Этот же преподаватель должен параллельно разработать и вести для таких студентов курс в электронной среде (например, в Moodle), организуя, модерирова и контролируя процесс изучения и освоения материала курса. Во многих региональных университетах нагрузка преподавателя не «удваивается», в учебном поручении объемы контактной работы со студентами остаются на прежнем уровне. Косвенное подтверждение данному примеру можно найти в вышеуказанном аналитическом докладе [2]: только 12 % преподавателей считают, что дистанционный формат не делает работу более трудоемкой из-за роста методической нагрузки и интенсивности учебной работы.

Пример второй. Если изучение того или иного курса студентами осуществляется в режиме дистанционно асинхронно, то некоторые преподаватели отмечают нарушение WLB (Work-Life Balance) [8], сопровождаемое гиперконнективностью, как результата необходимости реагирования на онлайн- и e-mail- запросы студентов в выходные дни и вечерние часы. Нарушение WLB выражается в чувстве постоянного ожидания писем и звонков, боязни пропустить что-то срочное, оторваться от текущих событий, в целом это снижает качество личной и трудовой жизни [9]. Нарушение WLB преподавателей ведет к выгоранию, которое возникает при расходовании большого объема энергии на одну роль. Наличие таких эффектов дистанционного образования, как размывание личных границ преподавателя и переворачивание структуры отношений в парах «преподаватель-студент» по типу консьюмеристской модели, констатируется в исследовании [10].

Более того, гибридное обучение несет в себе угрозы занятости преподавателей в университетах.

Идентифицируемые угрозы в занятости преподавателей университетов при высоком уровне цифровизации обучения.

Угроза 1. Массовое внедрение MOOCs в образовательный процесс может катализировать сокращение преподавателей региональных университетов.

В подготовленном Всемирным экономическим форумом докладе The Future of Jobs 2020 («Будущее рабочих мест 2020») указано, что к 2025 году в результате структурных изменений в экономике, внедрения цифровых технологий и автоматизации труда миллионы людей оказываются в опасности в плане стабильной занятости: 43 % работодателей планируют сократить число рабочих мест, расширить – 34,5 % [11]. Не исключено, что увеличение цифровой составляющей в гибридном обучении внесет изменения в количественный и качественный состав преподавателей многих российских региональных вузов, когда «цифровой курс» заменит «живого» преподавателя.

Степень остроты этого вопроса зависит от того, по какой траектории движется университет, реализуя гибридное обучение: либо путем разработки онлайн-курсов усилиями собственных научно-педагогических коллективов, либо приобретая OER стороннего авторства. По сути, это классическая дилемма инвестирования в инновации: «Сделать самому или купить?» [12].

Летом 2020 года министр высшего образования и науки РФ В. Фальков «вбросил в ректорское сообщество идею... Студент должен иметь возможность 25% курсов выбирать за пределами вуза, а вуз должен это обеспечить» [1]. Данная инновация в образовательный процесс, с одной стороны, являет собой безусловное благо для обучающихся, ведь они могут выбрать для изучения лучшие курсы лучших преподавателей лучших российских университетов, что означает «революцию качества высшего образования» [1], с другой стороны, формирует угрозу занятости преподавателей, чей курс будет заменен на альтернативный сторонний.

Таким образом, гибридное обучение в университетах позволяет дифференцировать такой фактор прекаризации занятости преподавателей в университетах: тренд на замещение читаемой *face-to-face* дисциплины онлайн-курсом другого преподавателя даже из другого университета.

Угроза 2. Преподаватели, не обладающие «необходимым набором компетенций» будут вынуждены их приобрести или сменить сферу занятости.

Современные исследователи, в фокусе изучения которых находится университетское онлайн-обучение (например, В. А. Конев [13], Н. В. Кузнецов [14], Г. Л. Тульчинский [15]), отмечают, что включение онлайн-курсов в образовательный процесс, как необходимого элемента, не только трансформирует технологии обучения, но изменяет содержание деятельности преподавателей российских университетов, предъявляет новые требования к их компетенциям.

Современный преподаватель «должен быть специалистом в предметной области (причем желательно с опытом практической работы), он должен быть педагогом, владеющим современными образовательными технологиями, и он должен обладать необходимыми цифровыми компетенциями (т.е. быть продвинутым пользователем современных информационных систем)» [14]. Описывая университетское действие в «галактике Цукерберга», В. А. Конев следующим образом определяет роль в нем современного преподавателя: «Современный преподаватель не должен озвучивать учебный материал (учебник), его дело – создание и размещение в сети учебной информации, которая должна быть оформлена методически грамотно и с использованием ресурсов, предоставляемых Интернетом. Студент работает именно с таким образом оформленной учебной информацией. Причем, эта учебная информация может быть подготовлена вовсе не преподавателями того университета, в котором студент числится» [13].

При этом пандемическое и постпандемическое университетское образование, скорее всего, будет мало селективным, то есть учитывать индивидуальные особенности, в соответствии с которыми не все могут создавать курсы в силу индивидуальных особенностей преподавателя», например, отсутствие харизмы или возраст преподавателя, манеру его речи. По

заявлению министра высшего образования и науки В. Фалькова, «новая ситуация принципиально изменит требования к преподавателям и подход к работе с кадрами вузов и разработке программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации. Умение пользоваться современными средствами коммуникации, организовать коллективную работу в удаленном режиме становится частью “минимального стандарта” квалификационных требований. Если ты этого не умеешь, то довольно сложно будет называться преподавателем университета» [16].

Согласно данным, представленным в аналитическом докладе [2], «более 60 % преподавателей отметили, что даже к концу периода работы в дистанционном формате не имеют достаточных компетентностей в области использования как университетских систем управления обучением, так и сторонних цифровых сервисов, в области поддержки и сопровождения студентов с использованием мессенджеров, социальных сетей, сервисов совместной работы с документами и др. Для еще большей группы преподавателей характерны методические дефициты проектирования занятий, которые касаются вовлечения студентов в активную деятельность в ходе онлайн-занятий, управления вниманием, организации продуктивной обратной связи, владения современными методиками онлайн-оценивания, проведения промежуточной и итоговой аттестации». Эта группа преподавателей является уязвимой. При реализации тренда на цифровизацию им придется либо освоить компетенции взаимодействия с цифровыми ресурсами, либо пересмотреть возможность своей работы в университете.

Угроза 3. Изменение структуры занятости преподавателя университета в части увеличения роли исследовательской составляющей.

Ректор НИУ ВШЭ Я. Кузьминов полагает, что внимание (инициативное или инициированное Минобрнауки РФ, или Рособрнадзором РФ) со стороны университетов к собственным и сторонним (разработанным в так называемых вузах-донорах) онлайн-курсам, их включение в образовательные программы

должны мотивировать преподавателей к активной научной деятельности в предметной области читаемых курсов. Он предлагает создать систему, в которой вуз будет обязан замещать те курсы, которые у него читают люди, не осуществляющие научные исследования в данной области, качественными онлайн-курсами. Такое решение, с одной стороны, может стать фактором повышения качества образования, а с другой – позволит вузам экономить собственные финансовые средства, направляя их на повышение заработной платы преподавателей, финансирование исследовательских проектов, поддержку студентов, а также явить собой «лакмусовую бумагу» для «селекции» профессорско-преподавательского состава вуза [17]. Стоит согласиться с Я. Кузьминовым в этом вопросе, ведь качественное преподавание без исследовательской деятельности в соответствующей предметной области невозможно. Современный преподаватель – это не транслятор текста учебника.

Однако, такой подход, основанный на риске замещения преподавателя–неисследователя сторонним онлайн-курсом, обозначает еще одну угрозу: если у преподавателя не сформирован солидный исследовательский и публикационный профиль, то его занятость в университет находится в зоне уязвимости.

Заключение. Университетское образование переживает эпоху масштабной цифровой трансформации: меняются формы и форматы обучения, подходы к структуре образовательного процесса, атрибутом позиционирования университета на рынке образовательных услуг становится качественный онлайн-курс. Кто выигрывает от данной трансформации? Безусловно, университеты, особенно ведущие, обучающиеся. Что касается преподавателей, то лучшие из них повысят уровень своей востребованности. Для массового преподавателя российского регионального университета, гибридное обучение, особенно если оно лишено настоящего человеческого внимания, несет угрозы занятости. Некоторые из них предложены к обсуждению в настоящей работе.

Настоящая работа позволяет говорить, что современные условия заставляют расширить перечень идентификационных признаков прекаризации занятости преподавателей университетов, включив в них онлайн-обучение.

Признательность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00900 «Влияние прекаризации занятости научно-педагогических работников на кадровый потенциал региональных вузов».

Список использованной литературы

1. Казьмина И. «Мы учим лучше, чем в США»: ректор ВШЭ Ярослав Кузьминов о революции в высшем образовании, вузах для элиты и итогах пандемии // Forbes: [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/403155-my-uchim-luchshe-chem-v-ssha-rektor-vshe-o-revolyucii-v-vysshem-obrazovanii-vuzah-dlya> (дата обращения: 24.10.2020)
2. Уроки “стресс-теста”. Вузы в условиях пандемии и после нее. Аналитический доклад. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2777 (дата обращения: 01.09.2020)
3. Кокшаров В. Пандемия – шанс пересмотра принципов организации сети высшей школы // Университетское управление: практика и анализ. 2020. № 24(3). С. 5-6.
4. Галажинский Э. Переход на онлайн-обучение как путь джедая // Национальный исследовательский Томский государственный университет: официальный сайт. URL: http://www.tsu.ru/university/rector_page/perekhod-na-onlayn-obuchenie-kak-put-dzhedaya/ (дата обращения: 11.10.2020)
5. Кузьминов Я. «Цифра – это новый язык, и любой студент должен быть готов к жизни в цифровом мире» // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: официальный сайт. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/332931607.html> (дата обращения: 01.09.2020)

6. Bonk C.J., Graham C.R. The handbook of blended learning environments: Global perspectives, local designs. San Francisco: Jossey-Bass / Pfeiffer, 2006.
7. OECD. Giving Knowledge for Free: The Emergence of Open Educational Resources. 2007. URL: <http://www.oecd.org/education/ceri/38654317.pdf>.
8. Тартаковская И. Н. Баланс жизни и труда precarious работников: гендерные аспекты // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 163–178. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.10.
9. Сон Х. И., Чернова Ж. В. Мобильные устройства как способ установления баланса между работой и личной жизнью: оборотная сторона // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 201–215. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.10.
10. The Future of Jobs Report 2020 // World Economic Forum: [site]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020> (дата обращения: 22.10.2020)
11. Университетские преподаватели и цифровизация образования: накануне дистанционного форс-мажора / Р.Н. Абрамов, И.А. Груздев, Е.А. Терентьев [и др.] // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 2. С. 59–74. DOI: 10.15826/umpra.2020.02.014.
12. Лобова С.В., Бочаров С.Н., Понькина Е.В. Цифровизация: мейнстрим для университетского образования и вызовы для преподавателей // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 2. С. 92–106. DOI: 10.15826/umpra.2020.02.016.
13. Конев В.А. Университет: из галактики Гутенберга в галактику Цукерберга // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 145–153. DOI: 10.17223/1998863X/42/15.

14. Кузнецов Н.В. Онлайн-образование: ключевые тренды и препятствия // E-Management. 2019. № 1. С. 19–25. DOI: 10.26425/2658-3445-2019-1-19-25
15. Тульчинский Г.Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. 2017. № 6. С. 121–136.
16. Валерий Фальков анонсировал появление из-за вируса «другого высшего образования» // Новости Сибирской науки: [сайт]. URL: <http://www.sib-science.info/ru/fano/falkov-anonsiroval-poyavlenie-iz-za-virusa-09042020> (дата обращения: 12.09.2020)
17. Почему Ярослав Кузьминов за революцию в высшем образовании? // Яндекс Дзен: [сайт]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5cb4de8334965700b3a48780/pochemu-iaroslav-kuzminov-za-revoliuciiu-v-vysshem-obrazovanii-5deea657d7859b00af01b0c6> (дата обращения: 11.10.2020)

Лобунец Олег Дементьевич,
доктор технических наук,
Образовательный портал «Смотри. Учись», инструктор,
oleg_lobunets@mail.ru, Екатеринбург, РФ

О СОЗДАНИИ ВИДЕОКУРСОВ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПОРТАЛЕ «СМОТРИ. УЧИТЬСЯ»

УДК 378.14

Аннотация. Глобальной целью настоящего исследования является расширение области использования дистанционной формы получения образования, а локальной – передача опыта создания видеокурсов в области естественных и технических наук. Методами исследования явились научное обобщение и анализ теоретических и практических данных, компьютерное моделирование, практические эксперименты и оценка результатов их применения. Результатом работы явилось аккумулирование опыта и расширение сферы использования дистанционных курсов при обучении студентов. Проведенные исследования позволяют рекомендовать использовать полученные результаты в процессе развития дистанционных форм обучения.

Ключевые слова: студенты, обучение, преподаватель, дистанционное образование, видеокурс, аттестация, усвоение.

ABOUT CREATING VIDEOCOURSES ON THE EDUCATIONAL